

— Конечно, — ответил Е Цзюньчэ, радуясь, что нашёл то, что понравится Цзысан Яньшу.

Он аккуратно разложил сладости на маленьком столике в лодке.

В коробке были десерты, которых он не видел вчера, но все они выглядели изысканно. Цзысан Яньшу слегка попробовал один и почувствовал, что он не такой сладкий, как вчерашние, но всё же неплохой.

Е Цзюньчэ заметил это, и его взгляд стал мягче.

— Значит, тебе нравятся очень сладкие блюда. В следующий раз я попрошу добавить больше сахара.

Он смотрел на Цзысан Яньшу, не отрывая глаз, и сам не заметил, как улыбнулся.

Цзысан Яньшу, чувствуя неловкость, поднял руку и потрогал своё лицо.

— Я не девушка, чтобы ты так на меня смотрел. Или я что-то размазал по лицу?

Он считал, что, хотя он и не смертный, но ест аккуратно, не оставляя следов на губах, не говоря уже о лице.

Е Цзюньчэ рассмеялся.

— Знакомых может быть много, но настоящих друзей — единицы. С первого взгляда на тебя я почувствовал радость. Быть другом Короля Драконов — это счастье на всю жизнь.

С чего бы это?

Цзысан Яньшу вспомнил, как в Четырёх Морях Е Цзюньчэ странно отреагировал, когда он упомянул Лю Шуансы.

Оказывается, он до сих пор помнит это.

Тогда, услышав, как Цзысан Яньшу говорил о Лю Шуансы, Е Цзюньчэ почувствовал неприятное чувство, которое до сих пор не отпускало.

Цзысан Яньшу, чувствуя странный тон в его словах, шутливо спросил:

— Что ты хочешь сказать? Мне кажется, это звучит немного ревниво.

Е Цзюньчэ сразу же отрицал, не желая признаваться.

— Я принёс только сладости, где же здесь ревность?

Цзысан Яньшу не стал настаивать, решив, что это просто его фантазия.

После долгого молчания Е Цзюньчэ всё же спросил:

— Ты отдал моему отцу картину с белым драконом, чтобы он повесил её в моей комнате?

Когда он узнал, что Цзысан Яньшу — белый дракон, он обрадовался, что у него есть картина с его изображением, и хотел подарить её ему.

Но, узнав, что картину подарил сам Цзысан Яньшу, и что она была нарисована Лю Шуансы, он почувствовал странное чувство, словно тысячи когтей царапали его сердце.

Что означало подарить ему картину с его собственным изображением, нарисованную Лю Шуансы?

Цзысан Яньшу, казалось, не заметил его беспокойства, лишь слегка взглянул на него и тихо сказал:

— Да, это я отдал картину твоему отцу, чтобы он повесил её в твоей комнате.

На самом деле, он сам не знал, почему решил подарить Е Цзюньчэ эту картину.

Возможно, это было сиюминутное желание, или, может быть, он хотел таким образом показать, что был рядом с ним с самого начала.

— Мне кажется, ты недоволен, — сказал Цзысан Яньшу, не понимая, что могло расстроить молодого господина.

Е Цзюньчэ, явно сдерживая раздражение, ответил:

— Нет.

Но его тон был явно неискренним. Он сам не понимал, почему чувствовал такую горечь.

Он не был мелочным человеком, но, зная, что Цзысан Яньшу — настоящий дракон, проживший не одну сотню лет, он не мог смириться с мыслью, что тот мог быть близок с кем-то ещё.

Эмоции Е Цзюньчэ были слишком очевидны, и Цзысан Яньшу положил ложку, повернувшись к нему. Он пристально посмотрел ему в глаза, сократив расстояние между ними до минимума.

При лунном свете черты лица Цзысан Яньшу казались ещё более выразительными, и Е Цзюньчэ ясно увидел слезинку у его глаза. В глазах Цзысан Яньшу отражалось его собственное лицо.

Он тоже смотрел на него так внимательно.

От этого сердце Е Цзюньчэ начало биться чаще, почти вырываясь из груди.

И этот сбивающий с толку Король Драконов, не осознавая этого, сказал:

— А-Цзюнь, ты явно не в порядке.

Е Цзюньчэ, не выдержав, отвернулся, стараясь успокоить своё дыхание.

— Ты ошибаешься.

Но взгляд не лжёт, и Цзысан Яньшу, почувствовав, что что-то не так, коснулся его подбородка холодными пальцами, заставив его повернуться.

— Ты явно что-то скрываешь.

Расстояние между ними было настолько близким, что они могли чувствовать дыхание друг друга. Это действие, которое могло бы быть воспринято как флирт, если бы оно исходило от кого-то другого, но с Цзысан Яньшу оно казалось искренним.

Его щёки были горячими, а пальцы Цзысан Яньшу — холодными, что делало прикосновение ещё более заметным.

Холод, смешанный с ароматом благовония Шаоцинъ, заставлял сердце Е Цзюньчэ биться ещё быстрее.

— Цзысан, не надо...

Чтобы избежать его взгляда, Е Цзюньчэ резко встал и отступил назад.

Но он забыл, что они находятся в лодке, и чуть не упал в воду.

— Осторожно! — Цзысан Яньшу схватил его за руку, предотвращая падение.

Одновременно он почувствовал, что энергия Е Цзюньчэ была нарушена, и его лицо стало серьёзным.

— Твоя энергия нарушена, меридианы повреждены. Что ты делал прошлой ночью?

Он провёл духовной силой по руке Е Цзюньчэ, обнаружив, что повреждения были вызваны не внешними силами, а самим Е Цзюньчэ, который использовал свою энергию в обратном направлении.

— Ты знаешь, что твои раны не могут... — Цзысан Яньшу чуть не высказался, но вовремя остановился.

— ...что они не могут зажить сами, и что человеческая медицина и лекарства мне не помогут, — закончил за него Е Цзюньчэ.

Именно из-за напоминания Цзо Тяня он и использовал свою энергию в обратном направлении.

С детства Е Цзюньчэ знал, что его тело слабо, но не понимал, насколько. Только благодаря тайной защите Цзысан Яньшу он смог дожить до этого дня.

И, исследуя свои меридианы, он обнаружил, что у него на груди есть защитный барьер.

Это была самая твёрдая чешуя дракона — обратная чешуя.

Цзысан Яньшу отдал ему свою защитную чешую, не просто защищая его, а отдавая всё, что у него было.

Он отпустил руку Е Цзюньчэ и начал снимать свою чешую, делая это так привычно, словно делал это много раз.

Едва он коснулся чешуи, как Е Цзюньчэ схватил его за руку, останавливая его.

— Цзысан, ты забыл, что обещал мне в Ичэне? Никогда больше не причинять себе вреда, что бы ни случилось.

Цзысан Яньшу опустил глаза. С тех пор, как они были в Ичэне, он никогда не задумывался об этом всерьёз.

Е Цзюньчэ продолжил строго:

— Драконы теряют силу, когда сдирают чешую или истекают кровью. Ты отдал мне свою обратную чешую. Сдираение чешуи — это как вырывание сердца, боль длится три дня. Цзысан... зачем ты это сделал?

Сдираение чешуи, кровотечение, удаление обратной чешуи...

Какую боль он должен был испытывать?

— Боль? — Цзысан Яньшу тихо засмеялся, и его глаза наполнились слезами. — Да, это больно. Но ничто не сравнится с болью рассеяния души, с болью разрывания тела на части...

Эти слова, произнесённые без причины, и его влажные глаза ранили сердце Е Цзюньчэ, вызывая в нём гнев и одновременно жалость.

<http://bllate.org/book/15101/1334299>